

РГУ им. И. Канта

Кант Изречения

Калининград 2010

УДК 1
ББК 87.3 (4г)
К15

Кант. Изречения / сост. и науч. ред. В.Н. Брюшинкин. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. — 91 с.
ISBN 978-5-9971-0077-3

Собрание отрывков из произведений Иммануила Канта на русском языке подготовлено проф. В. Н. Брюшинкиным и содержит высказывания Канта.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 1
ББК 87.3 (4г)

ISBN 978-5-9971-0077-3

© Брюшинкин В. Н., сост.
и науч. ред., 2010
© Издательство РГУ
им. И. Канта, 2010

К ЧИТАТЕЛЮ

«Вчера же после обеда был я у славного Канта, глубокомысленного, тонкого метафизика... Я не имел к нему писем; но смелость города берет — и мне отворились двери в кабинет его», — так более 200 лет назад описал свой визит к кенигсбергскому философу Николай Михайлович Карамзин.

Мы с Вами, уважаемый читатель, также не располагаем рекомендательными письмами, но пример знаменитого русского писателя, историка и путешественника вдохновляет и придает решимости приоткрыть дверь и заглянуть в причудливый мир кантовской мысли. Причудливый — потому что за внешне громоздкой формой часто таится настоящее чудо, надо его только открыть.

Кант не сочинял афоризмов. В историю философии он вошел как мыслитель-систематик. Каждое его высказывание живет в неразрывной связи со всем текстом, с единой системой его взглядов. Почти каждая фраза начинается со слов «следовательно», «так как», «ибо».

Не так просто выделить из контекста емкие законченные мысли, которые обладали бы самостоятельным интересом и вместе с тем давали бы цель-

ное представление о философии Канта. Выраженные в краткой форме, они дают нам неожиданное прозрение, становятся изречениями, житейской мудростью, частью мировоззрения.

И как кусочки янтаря, вынесенные на берег моря, неумолимо притягивают к себе солнечным светом далеких веков, так и мысли критического философа вновь и вновь изумляют своей глубиной, неожиданностью и своеобразным изяществом.

Владимир Брюшинкин

**ЛИЧНОСТЬ
И ФИЛОСОФИЯ**

О себе

I

Сам я по своей склонности исследователь. Я испытываю огромную жажду к познанию, неутолимое беспокойное стремление двигаться вперед по этому пути, а также удовлетворение от каждого успеха. Было время, когда я полагал, что все это может оказать честь человечеству, и я презирал чернь, ничего не знающую. Руссо поставил меня на место. Указанное ослепляющее превосходство исчезает; я учусь уважать людей...

II

Я никогда не забуду свою мать, поскольку она зародила и взрастила во мне первые ростки добра, она открыла моему сердцу красоту природы, она пробудила и развила мои понятия, и ее наставления оказывали постоянное, благотворное влияние на мою жизнь.

III

Никогда, даже хоть бы раз мне не приходилось слышать от моих родителей чего-либо неприличное, или видеть что-либо недостойное.

IV

...Я теперь настойчиво продолжаю придерживаться своего намерения не поддаваться авторскому тщеславию и не искать славы на легком и любимом поприще до тех пор, пока не расчищу себе твердую и тернистую почву и не сделаю ее доступной всем к возделыванию.

V

...так как Я по причине отсутствия естественной склонности избегаю всего того, что выглядит нарочито помпезно (отчасти руководствуясь тем, что за дифирамбами обычно следуют порицания)...

VI

Я всегда надеюсь на то, что, беспристрастно рассматривая свои суждения с точки зрения других, мне удастся найти нечто третье, что будет лучше, чем мое предыдущее решение.

VII

Как бы ни близка или как бы ни далека была цель моей жизни, я буду все же по окончании своего поприща доволен, если осмелюсь льстить себя надеждой на то, что то, чему положили начало мои скромные усилия, будет все более приближаться к завершению умелыми, целеустремленно и усердно работающими над совершенством мира людьми.

О философии и философах

I

На долю человеческого разума в одном из видов его познания выпала странная судьба: его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой; но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят возможности человеческого разума.

II

...Философия есть наука об отношении всякого знания и всякого применения разума к конечной цели человеческого разума, которой, как высшей, подчинены все другие цели и в которой они должны образовать единство.

Сферу философии в этом всемирно-гражданском значении можно подвести под следующие вопросы:

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я смею надеяться?
4. Что такое человек?

III

...Ценность философии — это ценность морально-практического разума, она направлена на конечную цель, безусловно (категорически) повелевающую, а именно формировать людей с лучшим образом мыслей.

IV

Философия есть единственная наука, которая способна дать нам это внутреннее удовлетворение, ибо она как бы замыкает научный круг, и благодаря ей науки впервые только и получают порядок и связь.

V

Я знаю, что есть много людей, которые считают философию сравнительно с высшей математикой очень легкой. Однако эти люди именуют философией все, что содержится в книгах с таким названием.

VI

...о философии говорят, что она служанка богословия... Но еще не совсем ясно, «идет ли она с факелом впереди своей милостивой госпожи или несет ее шлейф».

VII

Для философа нет ничего более желательного, чем суметь вывести все многообразие понятий и основоположений, которые прежде использовались им *in concreto* и казались ему разрозненными, из одного априорного принципа и объединить их таким образом в одно единое познание.

VIII

Философу требуются главным образом две вещи: 1) культура таланта и умения применять ее к всевозможным целям; 2) навык в применении того или другого средства к каким-либо целям.

IX

Величайшая обязанность философа — быть последовательным, но именно это встречается реже всего.

О Кёнигсберге

Большой город, центр государства, в котором находятся его земельные правительственные учреждения и имеется университет (для культивирования наук), и к тому же город, удобный для морской торговли, который благодаря рекам, протекающим внутри страны, содействует общению как между ее внутренними частями, так и прилегающими и отдаленными странами, где говорят на других языках и царят иные нравы, — такой город, как Кёнигсберг на Прегеле, можно признать подходящим местом для обогащения знания и человека, и света.

A decorative rectangular frame with ornate, symmetrical scrollwork and flourishes at the corners and midpoints of each side. The frame is drawn with a thick black line and a thinner inner line, creating a double-line effect.

ЧТО Я МОГУ ЗНАТЬ?

О разуме и рассудке

I

...Существуют два основных ствола человеческого познания, вырастающие, быть может, из одного общего, но неизвестного нам корня, а именно чувственность и рассудок: посредством чувственности предметы нам даются, рассудком же они мыслятся.

II

Восприимчивость нашей души, [т.е.] способность ее получать представления, поскольку она каким-то образом подвергается воздействию, мы будем называть чувственностью; рассудок же есть способность самостоятельно производить представления, т.е. спонтанность познания.

III

Всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого в нас нет ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления.

IV

Разум, которым наделено существо, — это способность расширять за пределы природного инстинкта правила и цели приложения всех его сил; замыслам его нет границ.

V

Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы.

VI

Рассудок не черпает свои законы (a priori) из природы, а предписывает их ей.

VII

Естествоиспытатели поняли, что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди согласно постоянным законам и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу...

VIII

Правильный рассудок — это тот, который блещет не столько обилием понятий, сколько их соответствием с познанием предмета, следовательно, обладает способностью и навыком к схватыванию истины.

Об истине и заблуждении

I

Что есть истина? Вот знаменитый старый вопрос, которым предполагали поставить в тупик логиков и привести их или к тому, чтобы довольствоваться жалкими рассуждениями, или к признанию своего неведения, а следовательно, и тщетности всего их искусства логики.

II

В самом деле, истина или видимость находятся не в предмете, поскольку его созерцают, а в суждении о предмете, поскольку его мыслят. Поэтому можно, пожалуй, с полным правом сказать, что чувства не ошибаются, однако не потому, что они всегда правильно судят, а потому, что они вообще не судят.

III

...Заблуждение происходит только от незаметного влияния чувственности на рассудок, вследствие чего субъективные основания суждения соединяются с объективными и отклоняют их от их назначения, подобно тому, как движущееся тело само по себе всегда хотя и продолжало бы двигаться в одном и том же направлении по прямой линии, но которая, если одновременно на тело влияет другая сила и в другом направлении, превращается в кривую.

IV

...Нам кажется недостаточным услышать только то, что истинно, — нам надо услышать и то, что мы жаждем узнать.

V

Истина не есть главное совершенство общественной жизни: прекрасная видимость ведет здесь, как в живописи, гораздо дальше.

О природе

I

Все в природе, как в неживом, так и в живом мире, происходит по правилам, хотя мы не всегда знаем эти правила. — Вода падает по законам тяжести, и у животных движение при ходьбе также совершается по правилам. Рыба в воде, птица в воздухе движутся по правилам. Вся природа, собственно, не что иное, как связь явлений по правилам, и везде существуют правила.

II

Природа же... означает совокупность явлений, поскольку они находятся во всепроникающей связи друг с другом благодаря некоторому внутреннему принципу причинности.

III

Мы имеем дело не с природой вещей самих по себе, которая независима как от условий нашей чувственности, так и от условий рассудка, а с природой как предметом возможного опыта...

IV

...Природу, следовательно, надо мыслить так, чтобы закономерность ее формы, по меньшей мере, совпадала с возможностью целей, осуществляемых в ней по законам свободы.

О вещах в себе

I

Выше мы хотели сказать, что всякое наше созерцание есть не что иное, как представление о явлении, что вещи, которые мы созерцаем, сами по себе не таковы, какими мы их созерцаем, и отношения их

сами по себе не таковы, какими они нам являются, и что если бы мы устранили наш субъект или же лишь субъективное свойство наших чувств вообще, то все свойства объектов и все отношения их в пространстве и времени и даже само пространство и время исчезли бы: как явления они могут существовать только в нас, а не в себе. Каковы же предметы в себе и в их обособленности от этой восприимчивости нашей чувственности, нам совершенно неизвестно.

II

...Наше чувственное представление никоим образом не есть представление о вещах самих по себе, а есть представление только о том способе, каким они нам являются.

III

В самом деле, правильно считая предметы чувств лишь явлениями, мы ведь тем самым одновременно признаем, что в основе их лежит вещь в себе, хотя мы не знаем, какова она сама по себе, а знаем только ее явление, т. е. способ, каким это неизвестное нечто воздействует на наши чувства. Следовательно, рассудок именно потому, что он допускает явления, тем самым признает и существование вещей в себе; и в этом смысле мы можем сказать, что представление о таких сущностях, лежащих в основе явлений, стало быть, о чисто умопостигаемых сущностях, не только допустимо, но и неизбежно.

О познании и опыте

I

...Хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта.

II

Мы будем, следовательно, понимать под априорными знаниями не те, которые зависят от того или иного опыта, а знания, получаемые совершенно независимо от всякого опыта.

III

Математика дает нам блестящий пример того, как далеко мы можем продвинуться в априорном знании независимо от опыта.

IV

...Мы а priori познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими.

V

Все наше познание соотносится в конечном счете с возможными созерцаниями, так как только посредством них дается предмет.

VI

Таким образом, всякое человеческое познание начинается с созерцаний, переходит от них к понятиям и заканчивается идеями.

О знании и вере

I

...На это, правда, можно ответить следующее: ничто так не вредит расширению наших знаний, как нескромное желание знать приносимую ими пользу еще до исследования и даже до того, как можно себе составить хоть какое-нибудь понятие об этой пользе, даже если бы даже она стояла у нас перед глазами.

II

И, наконец, субъективно, и объективно достаточное признание истинности суждения есть знание.

III

Если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны и в то же время считается объективно недостаточным, то оно называется верой.

IV

...Мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место вере...

О науке

I

Всякое учение, если оно система, т. е. некая совокупность познания, упорядоченная согласно принципам, называется наукой...

II

...Нередко оказывается, что основатель [науки] и даже его позднейшие последователи блуждают вокруг идеи, которую они сами не уяснили себе, и потому не могут определить истинное содержание, расчленение (систематическое единство) и границы своей науки.

III

...Наука всегда должна быть догматической, т. е. должна давать строгие доказательства из верных априорных принципов...

IV

С самых ранних времен, до которых простирается история человеческого разума, математика пошла верным путем науки у достойных удивления древних греков.

V

Какая масса познаний, сколько новых методов имелось бы уже в запасе, если бы Архимед, Ньютон или Лавуазье со своим прилежанием и талантом без ослабления жизненной силы получили от природы на свою долю еще один век жизни? Но теперь продвижение человеческого рода в науках (по времени) всегда лишь фрагментарно и нет никакой гарантии от движения вспять, угрозу которого всегда создает вмешательство варварства, ниспровергающего государственный строй.

VI

Если и существует наука, действительно нужная человеку, так это та, которая его учит подобающим образом занять место в мире, указанное ему творением, и благодаря которой он может научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком.

A decorative rectangular frame with ornate, symmetrical scrollwork and flourishes at the corners and midpoints of each side. The frame is drawn with a double-line effect, creating a sense of depth and elegance.

ЧТО Я ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ?

О долге

I

Долг! О, ты возвышенное, великое слово, в тебе нет никакого угодничества, которое несет в себе лесть, но ты требуешь подчинения, однако, чтобы побудить волю, ты не угрожаешь тем, что внушало бы естественное отвращение в душе и пугало бы; ты только устанавливаешь закон, который сам собой проникает в душу и все же вопреки воле вызывает уважение к себе (хотя и не всегда исполнение); перед тобой замолкают все склонности, хотя они втайне и противодействуют тебе...

II

Долг есть необходимость [совершения] поступка из уважения к закону.

III

Высокопочтимость долга не имеет ничего общего с наслаждением жизнью; у нее свой особый закон и свой особый суд; и как бы ни хотелось смешать то и другое, чтобы подавать их в таком виде больной душе наподобие целебного средства, то они тотчас же сами собой отделились бы друг от друга.

О морали

I

Мораль уже сама по себе есть практика в объективном смысле как свод безусловно повелевающих законов, в соответствии с которыми мы должны совершать поступки.

II

...Поэтому и мораль, собственно говоря, есть учение не о том, как нам следует сделать себя счастливыми, а о том, как мы должны стать достойными счастья.

III

Угроза вечного наказания не может быть непосредственным основанием для морально добрых поступков, но, несомненно, может быть сильным противовесом соблазну к злу...

IV

Различие между ложной и здоровой моралью состоит в том, что первая ищет лишь средства против зла, а вторая заботится о том, чтобы не было самих причин этого зла.

О моральном законе

I

Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне.

II

Является ли человек по своей природе добрым или злым? И не то и не другое, ибо по природе своей человек существо вовсе не моральное; он лишь становится таковым, когда его разум поднимается до понятий долга и закона.

III

Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом.

IV

Максима есть субъективный принцип воления.

V

Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству.

VI

Моральный закон свят (нерушим). Человек, правда, не так уж свят, но человечество в его лице должно быть для него святым.

VII

Но моральный закон сам по себе ведь не обещает счастья: счастье, по понятиям о естественном порядке вообще, не обязательно связано с соблюдением этого закона.

VIII

...Таким образом, моральный закон подводит посредством понятия высшего блага как объекта и конечной цели чистого практического разума к религии, то есть к познанию всех обязанностей как божественных заповедей, не как санкций, то есть произвольных, самих по себе случайных повелений чуждой воли, а как неотъемлемых законов каждой свободной воли самой по себе...

О воле

I

Нигде в мире, да и нигде вне его, невозможно мыслить ничего иного, что могло бы считаться добрым без ограничения, кроме одной только доброй воли.

II

Воля мыслится как способность определять самое себя к совершению поступков сообразно с представлением о тех или иных законах.

III

Если бы даже в силу особой немилости судьбы или скудного наделения суровой природы эта воля была совершенно не в состоянии достигнуть своей цели; если бы при всех стараниях она тем не менее ничего не добила и осталась бы одна только добрая воля (конечно, не просто как желание, а как использование всех средств, какие только есть в нашей власти), — то все же она сверкала бы, подобно драгоценному камню сама по себе как нечто такое, что имеет в самом себе свою полную ценность. Полезность или бесплодность не могут ни прибавить ничего к этой ценности, ни отнять что-либо от нее.

О свободе

I

Нет ничего ужаснее, когда действия одного человека должны подчиняться воле другого. Поэтому никакое отвращение не может быть более естественным, чем отвращение человека к рабству. Поэтому-то и ребенок плачет и огорчается, когда ему приходится делать то, чего хотят другие, не прилагая усилий к тому, чтобы сделать это для него приятным. Он хочет поскорее сделаться мужчиной, чтобы поступать по своей воле.

II

Сердце освобождается и облегчается от бремени, которое его постоянно исподтишка гнетет, если в чисто моральных решениях, как об этом свидетельствуют примеры, перед человеком открывается внутренняя ему самому ранее недостаточно известная способность — внутренняя свобода; способность настолько избавляться от безудержной навязчивости склонностей, что ни одна, даже самая излюбленная, не может повлиять на решение, для принятия которого мы должны теперь воспользоваться своим разумом.

III

Однако совершенно очевидно, что мы не можем обойтись без этого средства обеспечения истинности нашего суждения, что, может быть, это является самой главной причиной того, что ученый народ так жаждет свободы письменного слова, потому что если нам в этом будет отказано, то тем самым нас лишат мощного средства проверять правильность наших собственных суждений, и мы будем отданы на произвол заблуждения.

О добродетели

I

...Не нужно быть врагом добродетели, а просто хладнокровным наблюдателем, не принимающим самого страстного желания добра тотчас за его действительность, чтобы... в какие-то моменты усомниться в том, есть ли действительно в мире истинная добродетель.

II

Увидеть добродетель в ее подлинном облике значит не что иное, как представить нравственность освобожденной от всякой примеси чувственного и всякого фальшивого убранства из награды или себялюбия.

III

Добродетель означает моральную твердость воли.

IV

Изнеженность больше, чем распутство, искореняет добродетель.

V

Человек не принимает участия в счастье или несчастье других до тех пор, пока сам не почувствует себя удовлетворенным. Сделайте поэтому так, чтобы он был доволен немногим, и вы создадите добрых людей; иначе все будет напрасно.

VI

Всякая человеческая добродетель в общении есть разменная монета; ребенок — тот, кто принимает ее за настоящее золото. — Но все же лучше иметь в обращении разменную монету, чем ничего; и, в конце концов, можно, хотя и со значительными потерями, обменять ее на чистое золото.

О благодеянии

I

...никаким вознаграждением нельзя рассчитаться за оказанное благодеяние, так как тот, кто его принял, никогда не сможет лишить дарителя его преимущества, а именно заслуги быть первым в благоволении.

II

Я никому не могу оказать благотворительность согласно своим понятиям о счастье (кроме несовершеннолетних и умалишенных), а лишь в соответствии с понятиями того, кому я собираюсь оказать благодеяние, навязывая ему свой дар.

III

Не принимайте благодеяний, без которых вы можете обойтись...

О зле

I

Правда, при этом необходимой предпосылкой должно быть, чтобы зародыш добра оставался во всей своей чистоте и не мог бы быть уничтожен или испорчен; конечно, им не может быть эгоизм, который, будучи возведен в принцип всех наших максим, есть как раз источник всякого зла.

II

Единственная причина зла состоит в том, что человеческую природу не подчиняют правилам. В человеке лежат лишь зачатки добра.

III

Расхожее мнение о том, что прежние времена были лучше, происходит от несчастья, которое переживают, и от предположения о том, что в остальном все будет хорошо.

О счастье

I

Счастье — это такое состояние разумного существа в мире, когда все в его существовании происходит согласно его воле и желанию...

II

Тот, кто может быть счастливым только по выбору другого (при всем благоволении этого другого), с полным основанием чувствует себя несчастным.

III

Обеспечить себе свое счастье есть долг...

IV

Для того чтобы быть счастливым, нельзя поступать по определенным принципам, а необходимо действовать по эмпирическим советам, например, диеты, бережливости, вежливости, сдержанности и т. д., о которых опыт учит, что они, как правило, более всего способствуют благу.

V

Высшее благо, поскольку оно возможно в мире, и есть эта конечная цель чистого практического разума; его следует, однако, искать не столько в том, что может доставить природа, а именно в счастье (в наибольшей сумме удовольствий), сколько в том, что составляет высшее требование, т. е. в условии, при котором разум единственно только и может признать за разумными существами в мире право на счастье, а именно в нравственно законосообразном поведении их.

VI

Человек может мудрить сколько угодно, и все же он не может заставить природу следовать иным законам. Он или сам должен работать, или другие должны работать на него; и эта работа отнимет у других как раз счастья настолько, насколько выше средней величины он намерен увеличить в нем свою долю.

VII

Сочувствие естественному несчастью других не является необходимым, но оно необходимо при несправедливости, испытанной другими людьми.

О правде и лжи

I

...правдивость есть долг, который необходимо рассматривать как фундамент всех основываемых на договоре обязанностей, закон которых становится шатким и бесполезным, если допустить хотя бы малейшее исключение из него.

II

Правда, я с самой твердой убежденностью и к великому удовлетворению моему думаю многое такое, о чем я никогда не осмелюсь сказать, но я никогда не буду говорить то, чего я не думаю.

III

Следовательно, ложь как преднамеренное неправдивое заявление, сделанное по отношению к другому человеку, не нуждается в добавлении, что она тем самым наносит вред другому лицу, как того в целях определения ее требуют юристы (*mendacium est falsiloquium in praeiudicium alterius*). Ибо она всегда наносит вред другому, а если даже и не отдельному лицу, то человечеству вообще, так как делает негодным к употреблению сам источник права.

IV

Ложь есть унижение [человека] и как бы уничтожение его человеческого достоинства.

V

Ложь делает человека предметом всеобщего презрения...

VI

Каждый трус — лжец, но не наоборот. То, что делает слабым, порождает ложь.

О государственном устройстве

I

Дело в том, что государство не есть собственность [patrimonium] (как, например, земля, на которой оно расположено). Оно — сообщество людей, повелевать и распоряжаться которыми не должен никто, кроме него самого.

II

Республиканское устройство — единственное, вполне соответствующее праву людей устройство, но установить, а тем более сохранить его до такой степени трудно, что, по мнению многих, оно должно было бы быть государством ангелов, так как люди со своими эгоистическими склонностями не способны к столь возвышенному по форме устройству.

III

Проблема создания государства... состоит в следующем: «Так организовать массу разумных существ, нуждающихся в совокупности в целях своего сохранения в общих законах, но желающих каждый в отдельности втайне уклониться от них; и так обустроить их уклад, чтобы, несмотря на столкновение их личных интересов, они настолько сдерживали бы друг друга, что в их публичном поведении результат был таким же, как если бы они вовсе не имели подобных недобрых побуждений».

IV

Потеря свободы и единоличная власть повелителя представляют собой большое несчастье, но это приводит к упорядоченной системе; более того, при такой власти действительно больше порядка, хотя и меньше счастья, чем в свободных государствах.

V

При всеобщей роскоши жалуются на божественное правление и правление королей. Но не думают о следующем: 1) что касается второго, то ведь то же честолюбие и та же неумеренность, которые властвуют над гражданами, и на троне не могут принять иной вид, как тот, который есть; 2) что такие граждане и не могут быть иначе управляемы. Подданный хочет, чтобы властитель преодолел свою склонность к тщеславию ради содействия благу своей страны, но не думает о том, что это требование к нему с таким же правом может быть предъявлено и к ниже стоящим. Прежде всего, будьте сами мудры, справедливы и умеренны; тогда эти добродетели скоро достигнут и трона и сделают добрым также и государя.

О политике и политиках

I

Я могу, конечно, представить себе морального политика, то есть такого, который так относится к принципам политики, что они совместимы с моралью, но не могу представить себе политического моралиста, который строит свою мораль так, как того пожелают интересы государственных мужей.

II

То, что короли философствуют или философы могут стать королями — этого не следует ожидать и даже не следует желать, потому что обладание властью неизбежно извращает свободное суждение разума.

III

То, что великие люди только издалека создают впечатление блеска и что государь всегда многое теряет в глазах своего камердинера, объясняется тем, что ни один человек не велик.

О праве

I

...Право — это совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы.

II

Итак, всеобщий правовой закон гласит: поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразно с всеобщим законом...

III

Право есть ограничение свободы каждого условием совместимости ее со свободой всех других, насколько это позволяет всеобщий закон; а публичное право есть совокупность внешних законов, которые делают возможным такое полное согласие.

A decorative rectangular frame with ornate, symmetrical scrollwork and flourishes at the corners and midpoints of each side. The frame is composed of two parallel lines, with the decorative elements filling the space between them.

**НА ЧТО Я МОГУ
НАДЕЯТЬСЯ?**

О религии

I

Религия — это закон, живущий в нас, поскольку он посредством Законодателя и Судии оказывает на нас свое воздействие, она — мораль в ее применении к познанию Бога... Религия без нравственной совестливости — это суеверное служение.

II

...истинная религия состоит не в знании или исповедании того, что Бог сделал или делает для нашего спасения, а в том, что мы сами должны делать, чтобы стать достойными этого.

III

Религия (рассматриваемая субъективно) есть познание всех наших обязанностей как божественных заповедей.

IV

...иметь религию — долг человека перед собой.

V

Есть только одна (истинная) религия, но могут быть различные виды веры.

VI

Прежде всего, я принимаю за правило следующее ни в каких доказательствах не нуждающееся положение: все, что человек сверх праведного образа жизни предполагает возможным сделать, чтобы стать угодным Богу, есть лишь религиозный фанатизм и лжеслужение Богу.

О Боге

I

В соответствии с этой потребностью практического разума всеобщая, истинная религиозная вера есть вера в Бога: 1) как во всемогущего Творца неба и земли, т. е. в моральном смысле как в святого законодателя, 2) как в Хранителя человеческого рода, т. е. благого правителя и морального опекуна его, 3) как в Блюстителя своего собственного священного закона, т. е. как в справедливого Судью.

II

Веровать в то, что действия благодати могут и, возможно, даже должны существовать для восполнения несовершенства нашего стремления к добродетели, — вот все, что мы можем сказать об этом.

Об истории

I

Для философа здесь остается один выход: поскольку нельзя предполагать у людей в совокупности их поступков какую-нибудь разумную собственную цель, нужно попытаться открыть в этом бессмысленном ходе человеческих дел цель природы, на основании которой у существ, действующих без собственного плана, все же была бы возможна история согласно определенному плану природы.

II

Историю человеческого рода в целом можно рассматривать как исполнение тайного плана природы — осуществить внутренне для этой цели также и внешне совершенное государственное устройство как единственное состояние, в котором она может полностью развить все свои задатки, заложенные в человечестве.

III

...я осмелюсь допустить, что, так как род человеческий постоянно идет вперед в отношении культуры как своей естественной цели, то вместе с тем он продвигается по пути к лучшему и в отношении моральной цели своего существования; и хотя это движение порою прерывается, но никогда не прекратит-

ся. Мне не нужно доказывать это положение: доказать должен противник его. Ведь я опираюсь на свой прирожденный долг: в каждом звене цепи поколений, в котором я (как человек вообще) существую, я обязан — даже не обладая требуемыми от меня моральными качествами в той мере, в какой я должен бы был, а, следовательно, и мог бы обладать — так воздействовать на потомство, чтобы оно становилось все лучше...

О войне и мире

I

Отсюда следует: истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества. Следовательно, подобная война, а стало быть, и применение средств, ведущих к ней, должны быть безусловно запрещены.

II

...разум с высоты морально законодательствующей власти, безусловно, осуждает войну как правовую процедуру и, напротив, непосредственно вменя-

ет в обязанность мирное состояние, которое, однако, не может быть ни установлено, ни обеспечено без договора народов между собой.

III

Поэтому должен существовать особого рода союз, который можно назвать союзом мира... и который отличался бы от мирного договора... тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый — всем войнам, и навсегда. Этот союз не имеет своей целью обретение власти государством, но лишь поддержание и обеспечение свободы каждого государства как такового и в то же время других союзных государств, не подвергаясь однако из-за этого (подобно людям в состоянии дикости) принуждению со стороны публичных законов и необходимости подчинения им. Можно показать выполнимость (объективную реальность) этой идеи федерализма, которая должна охватить постепенно все государства и привести таким путем к вечному миру.

IV

Стремитесь, прежде всего, к царству чистого практического разума и к его справедливости, таким путем ваша цель (благодать вечного мира) осуществится сама собой.

О революции

I

Посредством революции можно, пожалуй, добиться устранения личного деспотизма и угнетения со стороны корыстолюбцев или властолюбцев, но никогда нельзя посредством революции осуществить истинную реформу образа мыслей; новые предрассудки, так же как и старые, будут служить помочами для бездумной толпы.

II

...изменения в (имеющем изъяны) государственном устройстве, которые иногда требуются, могут быть произведены только самим сувереном путем реформы, а не народом, стало быть, путем революции, и, когда она совершается, то это может касаться лишь исполнительной власти, но не законодательной.

III

Впрочем, если революция удалась и установлен новый строй, то неправомерность этого начинания и совершения революции не может освободить подданных от обязательности подчиниться в качестве добрых граждан новому порядку вещей, и они не могут уклониться от честного повиновения правительству, которое обладает теперь властью.

О просвещении

I

Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Данное несовершеннолетие обусловлено собственной виной, если причина его кроется не в недостатке ума, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны другого. *Sapere aude!* — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения.

II

Если задать вопрос, живем ли мы теперь в просвещенный век, то ответ будет: нет, но мы живем в век просвещения.

III

Никакая эпоха не может обязать себя и поклясться поставить следующую эпоху в такое положение, когда для нее стало бы невозможно расширять свои (прежде всего, настоятельно необходимые) познания, избавляться от ошибок и вообще двигаться вперед по пути просвещения. Это было бы преступле-

нием против человеческой природы, истонное назначение которой заключается именно в этом движении вперед. И будущие поколения имеют, следовательно, полное право отбросить те самые решения как принятые некомпетентно и дерзновенно.

О воспитании

I

Педагогика, или учение о воспитании, может быть либо физической, либо практической. Физическое воспитание — это воспитание, являющееся общим для человека и животных, или вскармливание и уход. Практическое, или моральное, воспитание — это такое воспитание, которое формирует человека с тем, чтобы он мог жить как свободное в своих поступках существо. (Практическим называется все то, что имеет отношение к свободе.) Воспитание — это воспитание личности, свободного в своих поступках существа, способного сохранять самого себя и быть членом общества, но и обладающего в самом себе внутренней ценностью.

II

...в воспитании кроется великая тайна усовершенствования человеческой природы.

III

Самому себя совершенствовать, самому себя образовывать и, в случае склонности ко злу, развивать в себе нравственные качества — вот в чем долг человека.

IV

Одна из труднейших проблем воспитания заключается в том, как соединить подчинение законному принуждению со способностью пользоваться своей свободой.

V

Дисциплинировать — значит стараться предотвратить, чтобы животная природа человека... не наносила ущерба человечеству как в лице одного отдельного человека, так и его как члена общества. Следовательно, дисциплина есть только укрощение дикости.

VI

Принцип искусства воспитания, который в особенности должны были бы иметь перед глазами люди, составляющие планы воспитания, гласит: дети должны воспитываться не только для настоящего, но и для будущего, возможно лучшего, состояния рода человеческого, т. е. для идеи человечества и соответственно его общему назначению.

VII

Нужно учить молодежь относиться с уважением к обыденному рассудку, исходя как из моральных, так и из логических оснований.

VIII

Я никого не могу сделать лучше иначе, как посредством того хорошего, что в нем еще имеется; я никого не могу сделать умнее иначе, как через имеющийся в нем остаток ума.

IX

Что может быть извращеннее, чем говорить с детьми, едва вступившими в этот мир, о мире ином?

Об образовании

I

...так как мы, животные существа, становимся людьми только благодаря образованию, то мы могли бы в короткое время увидеть вокруг себя совершенно других людей, если бы получил всеобщее применение тот метод воспитания, который мудро выводится из самой природы, а не рабски следует старым привычкам и не умудренному еще опытом веку.

II

Словом, не мыслям он должен учить, а мыслить; слушателя нужно не вести за руку, а им руководить, если хотят, чтобы в будущем он был способен идти самостоятельно.

О книгах

Немалый вред, причиняемый потоком книг, ежегодно наводняющих нашу часть света, состоит, между прочим, в том, что действительно полезные книги, всплывающие время от времени на поверхность широкого океана книжной учености, остаются незамеченными и вынуждены разделять печальную участь прочего хлама.

О красоте и прекрасном

I

...только человек... способен быть идеалом красоты, так же как среди всех предметов в мире (только) человечество в его лице как мыслящего существа (Intelligenz) способно стать идеалом совершенства.

II

Цветы — это свободная красота в природе.

III

Если об объектах судят только по понятиям, теряется всякое представление о красоте. Следовательно, не может быть такого правила, по которому каждого можно было бы заставить признавать что-то прекрасным.

IV

Прекрасно то, что нравится уже просто при суждении (а не в чувственном ощущении и не через понятие).

V

...Прекрасное есть символ нравственно-доброго; и только в этом отношении оно может притязать на одобрение каждого, причем одновременно с этим душа осознает нечто облагораживающее и возвышающее ее над простой восприимчивостью к удовольствию от чувственных впечатлений...

VI

Красота в природе — это прекрасная вещь, а красота в искусстве — это прекрасное представление о вещи.

Об искусстве

I

Не существует ни науки о прекрасном, есть лишь критика [прекрасного], ни изящной науки, а есть лишь изящное искусство.

II

...эстетическое искусство как изящное искусство есть такое, которое имеет своим мерилom рефлектирующую способность суждения, а не чувственное ощущение.

III

Природа прекрасна, если она в то же время походит на искусство; а искусство может быть названо прекрасным только в том случае, если мы сознаем, что оно искусство, и тем не менее кажется нам природой.

IV

Искусство прекрасного есть искусство гения.

О возвышенном

I

...возвышенно то, одна возможность мысли о чем уже доказывает способность души, превосходящую любой масштаб [внешних] чувств.

II

Ум возвышен, остроумие прекрасно. Смелость возвышенна и величественна, хитрость ничтожна, но красива.

III

Красноречие прекрасно, молчание, исполненное мыслей, возвышенно.

IV

Восходящее солнце так же великолепно, как и заходящее, но зрелище первого производит впечатление прекрасного, тогда как зрелище последнего — впечатление трагического и возвышенного.

A decorative rectangular frame with ornate, symmetrical scrollwork and flourishes at the corners and midpoints of each side. The frame is composed of two parallel lines, with the space between them filled with intricate black and white patterns.

ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК?

Об уважении и достоинстве

I

Уважение — это дань, которую мы не можем не отдавать заслуге, хотим ли мы этого или нет...

II

Уважение всегда питают только к людям и никогда не питают к вещам.

III

Только нравственность и человечество, поскольку оно к ней способно, обладают достоинством.

IV

Одним словом: человек, зависящий от другого, уже более не человек; он это звание утратил; он — не что иное, как придаток другого человека.

V

Если человек ценит свое достоинство по другим, то он старается либо поднять себя над другими, либо уменьшить достоинство другого. Последнее уже есть зависть.

О характере

I

Характер — это готовность действовать в соответствии с максимами.

II

Тот, кто лжет, не имеет никакого характера...

III

Если хотят воспитать хороший характер, то сначала нужно освободить его от страстей.

IV

Мало людей, способных спокойно на глазах толпы переносить ее насмешки и презрение, хотя они и знают, что эта толпа состоит из невежд и глупцов. Огромная толпа всегда внушает почтение, более того, слушателей охватывает ледянящий ужас по поводу промахов того, кто срамитя у них на глазах, хотя каждый в отдельности, если бы он был наедине с оратором, вряд ли нашел бы средство унижить его. Но в отсутствие толпы солидный человек легко может отнестись с полным равнодушием к ее суждению.

Об эгоизме

I

Эгоизм может заключать в себе тройкого рода притязания: притязания рассудка, вкуса и практического интереса, т. е. может быть или логическим, или эстетическим, или практическим.

II

Логический эгоист считает излишним проверять свое суждение с помощью рассудка других людей, как будто этот пробный камень (*criterium veritatis externum*) ему совершенно не нужен.

III

Эстетический эгоист — это тот, кого удовлетворяет уже его собственный вкус, хотя бы другие находили негодными, порицали или даже высмеивали его стихи, картины, музыкальные произведения и т. д. Он лишает себя возможности дальнейшего усовершенствования, когда своим суждением сам себя изолирует, сам себе аплодирует и критерий прекрасного в искусстве ищет только в себе самом.

IV

Наконец, моральный эгоист — это тот, кто все цели ограничивает самим собой, кто пользу видит только в том, что полезно ему, и, как эвдемонист, усматривает высшее определяющее основание своей воли только в выгоде и собственном счастье, а не в представлении о долге.

V

Эгоизму можно противопоставлять только плюрализм, т. е. образ мыслей, при котором человек рассматривает себя и ведет себя не как охватывающий своим «Я» весь мир, а только как гражданин мира.

О темпераменте

I

Человек меланхолического склада мало заботится о том, каково суждение других, что они считают хорошим или истинным; он руководствуется поэтому только своим собственным разумением... Дружба возвышенна и потому соответствует его чувству. Сам он может, конечно, потерять непостоянного друга, но этот последний не так легко потеряет его. Даже память об угасшей дружбе для него все еще священна...

Никакой подлой покорности он не терпит, и в его благородной груди живет свобода. Все цепи — от позолоченных, которые носят при дворе, до тяжелых железных цепей рабов на галерах — внушают ему отвращение. Он строгий судья себе и другим, и нередко он недоволен как самим собой, так и миром...

II

Он постоянен. Поэтому он свои чувства подчиняет принципам.

III

В подлинной добродетели, т.е. добродетели, основанной на принципах, есть ...нечто такое, что, пожалуй, более всего созвучно умеренному меланхолическому характеру.

Об уме

I

Умение ставить разумные вопросы есть уже важный и необходимый признак ума или проницательности. Если вопрос сам по себе бессмыслен и требует бесполезных ответов, то помимо посрамления вопрошающего он имеет иногда еще и тот недостаток, что побуждает неосмотрительного слушателя к нелепым ответам и создает смешное зрелище: один (по выражению древних) доит козла, а другой держит под ним решето.

II

Я никогда не смогу убедить другого иначе, как с помощью его же собственных мыслей. Я должен, следовательно, предположить, что у него здравый и зрелый ум, иначе было бы напрасно надеяться, что его можно убедить своими доводами. Точно так же я не могу никого морально растрогать, как только посредством его же собственных чувств; я должен, следовательно, предположить, что он в какой-то мере добросердечен...

О воображении

Мы часто и охотно играем воображением, но и воображение (в виде фантазии) также часто, а иногда и весьма некстати, играет нами.

О гении

I

Гений — это талант изобретения того, чему невозможно научить или научиться.

II

Гений поэтому сияет, как мгновенный, с интервалами появляющийся и вновь исчезающий свет. Но это не тот свет, который можно зажечь когда угодно и который может гореть столько, сколько нужно, а свет как фонтан искр, которые счастливая минута вдохновения высекает из творческого воображения.

III

Гений, по-видимому, в зависимости о национальности и той почвы, на которой он вырос, содержит в себе различные первоначальные зачатки и развивает их различным образом. У немцев эта гениальность больше идет в корень, у итальянцев — в крону, у французов — в цветок, у англичан — в плод.

О коварстве и хитрости

I

Коварство, способность к интригам, часто считается [свойством] большого, хотя и употребляемого во зло, рассудка; но оно — образ мыслей очень ограниченных людей и весьма отличается от ума, видимостью которого оно, как таковое, обладает.

II

Хитрость, изворотливость, лукавство (*versutia, astutia*) — это умение обманывать других. Вопрос здесь в том, действительно ли обманщик умнее того, кого легко обмануть, и действительно ли последний глуп?

III

То, что люди позволяют себя обманывать кладоискателям, алхимикам и устроителям лотерей, объясняется не их глупостью, а их злонамеренной волей, [стремящейся] без соответствующих личных усилий разбогатеть за чужой счет.

Об остроумии

I

Тот, кто обнаруживает способность суждения в делах, смышлен. Если он при этом еще и остроумен, то он умен. Тот, кто только аффектирует одно из этих качеств, — остряк или умник, существо отвратительное.

II

Остроумию (в речи и в письме) нельзя научиться с помощью школьного механизма с его принудительностью; оно, как особый талант, принадлежит к щедрости образа мыслей при взаимном обмене ими...

III

Остроумие гонится за выдумками; способность суждения стремится к прозрениям.

IV

Остроумие — это, скорее всего, соус, способность суждения — сама пища.

V

Остроумие, основанное на игре слов, плоско, пустые же умствования... способности суждения педантичны. — Юмором называется такое остроумие, которое возникает из расположения человека к парадоксам...

О моде

I

Естественна склонность человека сравнивать себя в своем поведении с кем-нибудь более авторитетным (ребенок со взрослым, простые люди с более знатными) и подражать его манерам. Закон этого подражания — [стремление] казаться не менее значительным, чем другие, и именно в том, при чем не принимается во внимание какая-либо польза, — называется модой.

II

Все же лучше быть всегда глупцом по моде, чем глупцом не по моде...

О любви

I

Совершенно нелепо говорить: вы должны любить других людей. Следовало бы скорее сказать: у вас есть все основания любить своего ближнего, и это справедливо даже в отношении ваших врагов.

II

Уважение других людей потому и ценится так высоко, что оно свидетельствует об отказе от множества других выгод.

О женщинах

I

Женскому полу свойственны слабости. Над ними шутят. Глупцы надсмехаются над ними, а умные очень хорошо видят, что они как раз и служат рычагом для того, чтобы направлять мужчину и использовать его для достижения своих целей.

II

Что же касается ученых женщин, то они пользуются книгами примерно так же, как своими часами: они носят их только для того, чтобы показать, что у них есть часы, хотя обычно эти часы у них не ходят или неверно показывают время.

О невинности

Невинность, конечно, прекрасная вещь, но, с другой стороны, очень плохо, что ее трудно сохранить и легко совратить.

О мужчинах и женщинах

I

Мужество женщины состоит в терпеливом перенесении лишений ради своей чести или ради любви; мужество мужчины — в упорном и ревностном стремлении устранить их.

II

Смешно, когда мужчина хочет завоевать сердце женщины умом и большими заслугами.

III

Для того чтобы женщина полностью зависела от мужчины, он сам не должен ни от кого зависеть.

IV

Мужчина обладает вкусом для себя, женщина делает себя предметом вкуса для каждого.

V

Женщина в браке становится свободной, а мужчина утрачивает в нем свою свободу.

VI

Наш уклад жизни сегодня таков, что женщины могут жить и без мужчин, что портит всё.

О здоровье

I

Можно чувствовать себя здоровым (основываясь на своем общем жизнеощущении), но никогда нельзя знать, здоров ли ты действительно.

II

Умение сконцентрироваться (*collectio animi*), чтобы быть готовым к любому новому занятию, — значит восстанавливать равновесие душевных сил, что способствует душевному здоровью.

III

Постель — это средоточие множества болезней.

О смерти

Причина, почему представление о смерти не оказывает того действия, которое оно могло бы иметь, состоит в том, что нам, как существам по природе деятельным, вообще не полагается думать об этом.

Об удовольствии и страдании

I

...всякому удовольствию должно предшествовать страдание: страдание всегда первоначально. В самом деле, результатом непрерывного повышения жизненных сил, которые ведь не могут подняться выше определенной степени, была бы только быстрая смерть от радости.

II

Страдание — это стимул для нашей деятельности, и, прежде всего, в нем мы чувствуем нашу жизнь; без него наступило бы состояние безжизненности.

III

Один способ удовольствия есть в то же время культура, а именно увеличение способности испытывать еще в большей степени подобное удовольствие; таково удовольствие от наук и изящных искусств. Другой способ — истощение, которое делает нас все менее способными к дальнейшему наслаждению.

IV

Аркадская пастушеская жизнь и излюбленная у нас придворная жизнь — обе одинаково пошлы и неестественны, хотя и привлекательны. Ведь истинное удовольствие никогда не может иметь место там, где его превращают в занятие.

О цивилизованности

Чем более цивилизованны люди, тем больше они актеры; они внешне выказывают симпатию, уважение к другим, скромность, бескорыстие, хотя этим никого не обманывают, так как всякий понимает, что все это неискренне. Однако очень хорошо, что так принято в свете.

О целях человека

I

Какие цели суть в то же время долг?

Они таковы: собственное совершенство и счастье других.

II

...если вообще имеет место конечная цель, которую разум должен указать а priori, то этой целью может быть только человек (каждое разумное существо в мире), находящийся под моральными законами.

III

Наполнение времени планомерно протекающей деятельностью, результатом которой является исполнение великой намеченной цели... — это единственно верное средство испытывать радость от жизни и вместе с тем чувствовать себя удовлетворенным ею.

ПРИМЕЧАНИЯ

Данная подборка изречений Канта была первоначально подготовлена В.Н. Брюшинкиным на русском языке для издания: Кант И. Изречения. Калининград: Кн. изд-во, 2001. Для настоящего издания русские переводы уточнены проф. И. Д. Копцевым по тексту оригинала.

Ссылки на русское издание: Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1963—1966 даются с указанием тома и страницы.

Ссылки на русское издание: Кант И. Трактаты и письма. М., 1980 даются с указанием аббревиатуры «ТиП» и страницы.

Некоторые переводы на русский язык выполнены заново И. Д. Копцевым. Ссылка на них: Копцев.

В тексте ссылок сначала приводится ссылка на немецкий оригинал, затем на русский перевод, затем на английский перевод, разделенные косой чертой (слэшем).

Указатели страниц по главам

№ п/п	Стр.	Источник
		О СЕБЕ
I	7	2, 205
II	7	Копцев
III	7	Копцев
IV	8	ТиП, 534
V	8	ТиП, 588
VI	8	ТиП, 524
VII	8	ТиП, 592

О ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФАХ

I	9	3, 73
II	9	ТиП, 332
III	10	6, 593
IV	10	ТиП, 334
V	10	2, 254
VI	10	6, 289
VII	11	4(1), 143
VIII	11	ТиП, 333
IX	11	4(1), 338

О КЕНИГСБЕРГЕ

12	6, 352
----	--------

О РАЗУМЕ, РАССУДКЕ

I	15	3, 123—124
II	15	3, 155
III	15	3, 340
IV	15	6, 9
V	16	3, 155
VI	16	4(1), 140
VII	16	3, 85
VIII	16	6, 435

ОБ ИСТИНЕ И ЗАБЛУЖДЕНИИ

I	17	3, 159
II	17	3, 336
III	17	3, 337
IV	18	3, 301
V	18	2, 207

О ПРИРОДЕ

I	18	ТиП, 319
II	19	3, 398
III	19	4 (1), 142
IV	19	5, 174

О ВЕЩАХ В СЕБЕ

I	19	3, 144
II	20	4(1), 103
III	20	4(1), 134

О ПОЗНАНИИ И ОПЫТЕ

I	21	3, 105
II	21	3, 106
III	21	3, 110
IV	21	3, 88
V	21	3, 604
VI	22	3, 591

О ЗНАНИИ И ВЕРЕ

I	22	3, 301
II	22	3, 673
III	22	3, 673
IV	23	3, 95

О НАУКЕ

I	23	6, 56
II	23	3, 681
III	23	3, 98
IV	24	3, 84
V	24	6, 579—580
VI	24	2, 206

О ДОЛГЕ

I	27	4(1), 413
II	27	4(1), 236
III	27	4(1), 416

О МОРАЛИ

I	28	6, 289—290
II	28	4(1), 463
III	28	2, 194
IV	28	2, 197

О МОРАЛЬНОМ ЗАКОНЕ

I	29	4(1), 499
II	29	ТиП, 497
III	29	4(1), 260
IV	29	4(1), 236
V	30	4(1), 270
VI	30	4(1), 414
VII	30	4(1), 462
VIII	30	4(1), 463

О ВОЛЕ

I	31	4(1), 228
II	31	4(1), 268
III	31	4(1), 229

О СВОБОДЕ

I	32	2, 218
II	32	4(1), 498
III	33	6, 359

О ДОБРОДЕТЕЛИ

I	33	4(1), 244
II	33	4(1), 267
III	34	4(2), 340
IV	34	2, 190
V	34	2, 196
VI	34	6, 386

О БЛАГОДЕЯНИИ

I	35	4(2), 396
II	35	4(2), 395
III	35	4(2), 375

О ЗЛЕ

I	36	ТиП, 116
II	36	ТиП, 452
III	36	2, 222

О СЧАСТЬЕ

I	37	4(1), 457
II	37	6, 515
III	37	4(1), 234
IV	37	4(1), 257
V	38	6, 219
VI	38	2, 202
VII	38	2, 187

О ПРАВДЕ И ЛЖИ

I	39	ТиП, 294
II	39	ТиП, 514
III	39	ТиП, 293
IV	40	4(2), 367
V	40	ТиП, 493
VI	40	2, 194

О ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ

I	40	6, 260
II	41	6, 285
III	41	6, 285—286
IV	41	2, 204
V	42	2, 203

О ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТИКАХ

I	42	6, 292
II	43	6, 289
III	43	2, 198

О ПРАВЕ

I	43	4(2), 139
II	43	4(2), 140
III	44	4(2), 78

О РЕЛИГИИ

I	47	ТиП, 499
II	47	ТиП, 206
III	47	ТиП, 224
IV	47	4(2), 383

V	47	ТиП, 177
VI	48	ТиП, 243

О БОГЕ

I	48	ТиП, 213
II	48	ТиП, 247

ОБ ИСТОРИИ

I	49	6, 8
II	49	6, 18—19
III	49	4(2), 101

О ВОЙНЕ И МИРЕ

I	50	6, 264
II	50	6, 274
III	51	6, 261—262
IV	51	6, 299

О РЕВОЛЮЦИИ

I	52	6, 29
II	52	4(2), 244—245
III	52	4(2), 245

О ПРОСВЕЩЕНИИ

I	53	6, 27
II	53	6, 33
III	53	6, 31

О ВОСПИТАНИИ

I	54	ТиП, 459
II	54	ТиП, 448
III	55	ТиП, 450
IV	55	ТиП, 458
V	55	ТиП, 458—454
VI	55	ТиП, 451
VII	56	2, 197
VIII	56	2, 205
IX	56	2, 201

ОБ ОБРАЗОВАНИИ

I	56	2, 467
II	57	2, 280

О КНИГАХ

	57	2, 204
--	----	--------

О КРАСОТЕ И ПРЕКРАСНОМ

I	57	5, 237
II	58	5, 233
III	58	5, 217
IV	58	5, 322
V	58	5, 375
VI	58	5, 327

ОБ ИСКУССТВЕ

I	59	5, 320
II	59	5, 321
III	59	5, 322
IV	59	5, 322

О ВОЗВЫШЕННОМ

I	60	5, 257
II	60	2, 131
III	60	2, 144
IV	60	2, 191

ОБ УВАЖЕНИИ И ДОСТОИНСТВЕ

I	63	4(1), 402—403
II	63	4(1), 402
III	63	4(1), 277
IV	63	2, 220
V	63	ТиП, 495

О ХАРАКТЕРЕ

I	64	ТиП, 485
II	64	ТиП, 488
III	64	ТиП, 491
IV	64	2, 211

ОБ ЭГОИЗМЕ

I	65	6, 359—360
II	65	6, 359
III	65	6, 360
IV	66	6, 360
V	66	6, 359—360

О ТЕМПЕРАМЕНТЕ

I	66	2, 143—144
II	67	2, 142
III	67	2, 141

ОБ УМЕ

I	67	3, 159
II	68	2, 199

О ВООБРАЖЕНИИ

	68	6, 411
--	----	--------

О ГЕНИИ

I	69	6, 570
II	69	6, 571
III	69	6, 469

О КОВАРСТВЕ И ХИТРОСТИ

I	70	6, 437
II	70	6, 445
III	70	6, 445

ОБ ОСТРОУМИИ

I	71	6, 444
II	71	6, 462
III	71	6, 463
IV	71	6, 463
V	72	6, 463

О МОДЕ

I	72	6, 489
II	72	6, 489

О ЛЮБВИ

I	73	2, 205
II	73	2, 210

О ЖЕНЩИНАХ

I	73	6, 554
II	74	6, 558—559

О НЕВИННОСТИ

	74	4(1), 241
--	----	-----------

О МУЖЧИНАХ И ЖЕНЩИНАХ

I	74	2, 190
II	75	2, 187
III	75	2, 197
IV	75	6, 559
V	75	6, 560
VI	75	2, 188

О ЗДОРОВЬЕ

I	76	ТиП, 301
II	76	6, 447
III	76	ТиП, 303

О СМЕРТИ

	76	2, 188
--	----	--------

ОБ УДОВОЛЬСТВИИ И СТРАДАНИИ

I	77	6, 473
II	77	6, 474
III	77	6, 479—480
IV	78	2, 210

О ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

	78	6, 384
--	----	--------

О ЦЕЛЯХ ЧЕЛОВЕКА

I	79	4(2), 319
II	79	5, 484
III	79	6, 477

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю.....	3
Личность и философия	
О себе	7
О философии и философах.....	9
О Кенигсберге	12
Что я могу знать?	
О разуме, рассудке	15
Об истине и заблуждении.....	17
О природе.....	18
О вещах в себе	19
О познании и опыте	21
О знании и вере	22
О науке	23
Что я должен делать?	
О долге	27
О морали	28
О моральном законе.....	29
О воле	31
О свободе	32
О добродетели	33
О благодеянии	35
О зле	36
О счастье	37
О правде и лжи	39
О государственном устройстве.....	40
О политике и политиках	42
О праве	43
На что я могу надеяться?	
О религии	47
О Боге	48
Об истории.....	49

О войне и мире	50
О революции.....	52
О просвещении.....	53
О воспитании.....	54
Об образовании	56
О книгах	57
О красоте и прекрасном.....	57
Об искусстве.....	59
О возвышенном	60

Что такое человек?

Об уважении и достоинстве	63
О характере	64
Об эгоизме	65
О темпераменте	66
Об уме	67
О воображении	68
О гении.....	69
О коварстве и хитрости	70
Об остроумии	71
О моде	72
О любви.....	73
О женщинах	73
О невинности.....	74
О мужчинах и женщинах.....	74
О здоровье.....	76
О смерти.....	76
Об удовольствии и страдании.....	77
О цивилизованности	78
О целях человека.....	79
Примечания	80

Кант. Изречения

Составитель и научный редактор
профессор *Владимир Никифорович Брюшинкин*

Корректор Н. Н. Мартынюк
Оригинал-макет подготовлен Л.В. Семеновой
Макет обложки О.Р. Плиевой

Подписано в печать 29.07.2010 г.

Бумага для множительных аппаратов. Формат 70×100 ¹/₃₂.
Гарнитура «Таймс». Ризограф. Усл. печ. л. 5,1. Уч.-изд. л. 3,2.
Тираж 200 экз. Заказ 179.

Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14